

- ¹⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 569. Оп. 13. Д. 22а. Л. 112–113 об.
- ²⁰ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 781.
- ²¹ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.
- ²² Буржуазия... Указ. пр. С. 99.
- ²³ Там же. С. 100.
- ²⁴ Дом Плеханова Российской Национальной библиотеки. Ф. 482. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
- ²⁵ Буржуазия... Указ. пр. С. 140.
- ²⁶ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 110. Л. 14.
- ²⁷ Буржуазия... Указ. пр. С. 172.
- ²⁸ Там же. С. 174.
- ²⁹ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 93–94.
- ³⁰ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996. С. 190.
- ³¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.
- ³² Барышников М. Н. Указ. соч. С. 103.

Дмитрий Сергеевич Лавринович – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент С.В. Позняк.

В.И. МЕНЬКОВСКИЙ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Интерес к советской истории сохранился в англо-американском академическом сообществе и после глобальных изменений, происшедших в СССР. Курсы, связанные с изучением Советского Союза и Восточной Европы, были организованы в 1990 г. более чем в 250 университетах и колледжах США¹. В Американскую ассоциацию углубленных славянских исследований (American Association for the Advancement of Slavic Studies – AAASS), включая все секции и филиалы, в 2000 г. входили около 5000 членов из США и других стран². Ассоциация имела девять филиалов в различных регионах США, проводивших академические встречи, научную и образовательную деятельность, и двадцать восемь филиалов, специализирующихся на определенных темах и областях в рамках предмета исследования. Секции были представлены, например, Американской ассоциацией украинских исследований, Ассоциацией женщин в славянских исследованиях, Ассоциацией исследований славянской древности, Ассоциацией славянского и восточноевропейского фольклора; Обществом историков-исследователей восточноевропейского и российского искусства и архитектуры. В Канадскую ассоциацию славистов (Canadian Association of Slavists – CAS) входили преподаватели славистики и родственных дисциплин, которые занимались исследованиями в одном из образовательных учреждений Канады³.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии Британская университетская ассоциация славистов (British University Association of Slavists) и Национальная ассоциация советских и восточноевропейских исследований (National Association for Soviet and East European Studies), созданные в 1989 г., объединились в Британскую ассоциацию славянских и восточноевропейских исследований (British Association for Slavonic and East European Studies – BASEES). Шотландское общество российских и восточноевропейских исследований было создано в 1994 г. Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований, организованная в 2000 г. и включавшая около 600 человек⁴, активно сотрудничала с правительством, другими ассоциациями и отдельными университетами.

Крупный вклад в изучение России и СССР внесли англо-американские исследовательские центры, которые привлекли к работе известных ученых из многих стран, в том числе из бывшего Советского Союза, и создали соб-

ственную структуру подготовки кадров. Они существовали в 1990-е гг. во всех четырех странах англо-американского сообщества, ведущую роль среди них играли американские центры славянских и российских исследований. Это объясняется прежде всего отлаженной системой подготовки кадров, большим количеством специалистов и благоприятными условиями, в которых они работали. Все центры получали значительную материальную поддержку как со стороны государства, так и от различных частных фондов, без чего их деятельность была бы практически невозможна. В США в 2000 г. действовали более 30 центров российских и славянских исследований, в Австралии и Канаде – по 2, в Великобритании – 9.

Создание научно-исследовательских центров, образование американской, британской и канадской ассоциаций славистов потребовали развития и расширения библиотечной и архивной базы. Англо-американские библиотеки после Второй мировой войны собрали богатейшие коллекции литературы и документов, относящихся к российской и советской истории. Коллекции Публичной библиотеки в Нью-Йорке и библиотеки Конгресса США в Вашингтоне являются крупнейшими собраниями материалов для изучения России и СССР за пределами Российской Федерации и доступны каждому исследователю. Межбиблиотечные связи обеспечивают ученым доступ к любым материалам в США и в части Западной Европы.

В Великобритании осуществляется с 1999 г. трехгодичный проект сотрудничества библиотек по приобретению материалов славянских и восточноевропейских исследований. В Интернете создается единая поисковая система для работы с базой данных научных российских и восточноевропейских исследований; составляются «онлайновые» списки материалов, находящиеся в библиотеках Соединенного Королевства, европейская библиография славянских и восточноевропейских исследований’.

В 1990-е гг. многие библиотеки начали координировать свою деятельность на более высоком уровне, было создано несколько консорциумов, объединивших книжные хранилища США и Канады. Так, в 1993 г. был основан Консорциум славянских коллекций библиотек Восточного побережья (East Coast Consortium of Slavic Library Collections), а в 1995 г. – Консорциум славянских и восточноевропейских библиотек Тихоокеанского побережья (Pacific Coast Slavic and East European Library Consortium).

Консорциум славянских коллекций библиотек Восточного побережья был основан для координации деятельности библиотек Колумбийского, Гарвардского, Корнельского, Йельского, Принстонского университетов и Публичной библиотеки Нью-Йорка. Усилия учредителей были направлены на формирование и расширение коллекций; проведение новых закупок без неоправданного дублирования материалов; подготовку справочной литературы и составление описаний коллекций; совместный поиск источников финансирования; идентификацию электронных ресурсов славянских и восточноевропейских исследований. Координационный центр консорциума находится в Принстонском университете.

Членами Консорциума славянских и восточноевропейских библиотек Тихоокеанского побережья являются библиотеки Гавайского университета и университетов Стэнфорда, Аризоны, Калифорнии, Орегона, Сиэтла, Британской Колумбии. Консорциум был создан для содействия славянским исследованиям в Северной Америке и расширения их научной базы, обеспечения прямого доступа преподавателям и студентам каждого университета к его библиотечным ресурсам, обмена профессиональной информацией. Области сотрудничества включают формирование коллекций, новые приобретения, составления каталогов, хранение документов, библиографический контроль и другие технические услуги. Консорциум координирует со-

вместное приобретение и создание баз данных, дорогих коллекций микроформ, микрофильмов и репринтных материалов.

Однако в 1990-е гг., несмотря на серьезное упрочение институциональной базы, особое внимание было привлечено к советологии как научной дисциплине. Распад СССР и связанные с этим события вызвали бурную полемику в академической среде, породили очень разные оценки состояния науки, изучающей СССР, ее прошлого, настоящего и будущего. Центральной проблемой споров о заслугах и неудачах советологии стал вопрос о том, можно ли было применять к СССР методологические принципы, используемые в западном обществоведении. Был ли Советский Союз уникальным явлением и, следовательно, требовал собственных методов исследования? Ученые также дискутировали вопрос о том, насколько был применим дисциплинарный подход или требовалось междисциплинарное изучение региона.

Вопрос о будущем советологии также вызвал очень разные ответы. Для некоторых исследователей ответ представлялся простым: советология потеряла свой объект и ее история закончилась вместе с исчезновением Советского Союза⁶. А. Ноув задавался вопросом: «Что же дальше? Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла. Как переименовать наш журнал «Советские исследования» и различные научные центры? Люди моего поколения (я родился в 1915 г.) сходят со сцены. А что будут делать наши аспиранты последних лет? Это уже не будет советология»⁷. (Здесь и далее – перевод с английского В. М.)

Многие авторы оценили состояние советологии как кризисное, раздавались голоса о ее бесперспективности, даже предлагалось использование нового термина «постсоветология». Р. Тарас в предисловии к редактируемому им сборнику «Справочник политологических исследований Советского Союза и Восточной Европы» пишет, что в книге «будет предпринята попытка дать критическую оценку советологии – дисциплине, которая существовала, но теперь исчезла»⁸. В данном случае сказалось влияние советологов-политологов, поскольку для этой категории исследователей СССР стал «бывшим», в то время как для историков Советский Союз остается предметом исследования, который из истории не может исчезнуть никогда.

Наиболее резкой критической оценке советология была подвергнута М. Малиа, чья критическая статья «Из-под руин, что?» послужила объектом длительных споров в академических кругах⁹. Основным объектом критики стало ревизионистское течение советологии, в адрес представителей которого звучали упреки в переоценке потенциала Советского Союза, прочности его политической системы. На советологов-ревизионистов возлагалась ответственность за подверженность влиянию советской пропаганды и «розовое» представление о Советском Союзе. Говорилось о том, что они были более критичны по отношению к собственным (западным) странам, чем по отношению к СССР. Р. Дэниэлс, выступая в защиту ревизионистов, даже говорил о том, что если раньше западные советологи видели свою миссию в том, чтобы отстоять реальное освещение советской истории от коммунистических фальсификаций, то сегодня, кажется – в недопущении искажений, создаваемых сторонниками противоположного политического направления¹⁰.

Сторонники «жесткой линии» в советологии считали, что путч 1991 г. преподал Западу ценный урок – Советский Союз нельзя было сравнивать с западными демократиями. Чрезвычайно резкий тон по отношению к своим

⁶ Следует отметить, что эта полемическая статья оказалась в числе нескольких переведенных на русский язык среди множества англоязычных публикаций начала 1990-х гг., посвященных проблемам советологии. М а л и а М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93–109.

предшественникам избрали молодые авторы сборника «После советологии: политические и исторические эссе»¹¹. С иронией отзывался о ситуации в советских исследованиях А. Брумберг, писавший, что «с распадом Советского Союза и всей советской империи некоторое время казалось, что проби́л час и для советологии... К счастью, страхи оказались необоснованными. Многие советологи в США и за рубежом перевооружились, став "постсоветологами". Появились новые журналы, например "Постсоветские события", были переименованы академические институты. И старая профессия получила новую путевку в жизнь»¹².

Поток критицизма по отношению к ученым, оказавшимся неспособными предсказать падение СССР (именно это звучало как главное доказательство недееспособности советологии), имел и положительные, и отрицательные стороны. Тезис о том, что летопись «советских и российских исследований» содержит полезные уроки для научного мира, должен послужить отправной точкой для некоторого методологического ревизионизма в общественных науках и в целом представляется справедливым. Но «главное обвинение», с нашей точки зрения, с советологии можно снять. Предсказательную функцию научной дисциплины можно вывести за рамки этой дискуссии. Это предмет особого анализа, связанного как с предсказательными возможностями обществоведения в целом, так и с конкретной советской ситуацией начала 1990-х гг. С нашей точки зрения, Г. Сани справедливо подчеркивал, что исследователи СССР должны быть более снисходительны к собственной неспособности предсказать события, о которых они имели недостаточную информацию, и должны ценить предшествующие успехи в изучении СССР, вместо того чтобы впадать в неконструктивный критицизм¹³. Распад Советского Союза оказался неожиданностью как для большинства советских политиков и ученых, так и для англо-американских специалистов.

Новым направлением западной историографии 1990-х гг. стало изучение сталинской репрессивной политики в отдельных регионах Советского Союза, что отражало общую тенденцию развития исторической науки, во все большей степени переходившей от изучения общего к частному. Советологи отставали от этой всемирной тенденции, поскольку не имели доступа к необходимым архивным материалам. В последнее десятилетие были опубликованы исследования о финских иммигрантах в Карелии, депортации корейцев с Дальнего Востока, лагерях ГУЛАГа на Урале¹⁴. Работы такого рода позволяли достичь более глубокого и детального анализа функционирования системы, разрушали представление о советском обществе как о монолите и стали важной составляющей изучения локальной истории сталинского периода.

Одними из первых исследований сталинизма «на местах» стали книги А. Рассвейлер «Генерация власти: История Днепростроя» и К. Меридейл «Московская политика и усиление Сталина: Коммунистическая партия в столице»¹⁵. На примере Днепростроя А. Рассвейлер иллюстрировала эволюцию партийных целей и политики модернизации, трудности практической реализации этих плохо продуманных задач и хаотичный характер советской модернизации. К. Меридейл показала, что даже в столице большевики оказались неспособны создать эффективную администрацию. Хотя во время написания работ партийные архивы были в основном недоступны, авторы показали, как много может быть найдено в местной периодике, стенограммах региональных партийных конференций и государственных архивах.

Примером значимости изучения отдельных составляющих для выработки общей концепции понимания сталинизма может служить монография Е. Риса «Сталинизм и советский железнодорожный транспорт. 1928–1941 гг.»¹⁶. Автор, используя архивный материал, рассмотрел роль народ-

ных комиссариатов и их руководителей в выработке политических вопросов, что позволило ему дать оценку советологическим концепциям изучения сталинизма.

Серьезный резонанс в англо-американской советологии вызвала работа С. Коткина «Магнитка: Сталинизм как цивилизация»¹⁷, в которой дан анализ сталинизма как «цивилизации», сложной общественной системы с «новыми отношениями собственности, социальной структурой, организацией экономики, политической практикой и языком», сознательно созданной как антипод капиталистической системы. С его точки зрения, сталинская система поддерживалась не только государственной машиной, но и более тонкими механизмами власти, регулировавшими повседневную жизнь. Выходя за узкие рамки политического понимания власти, С. Коткин использовал лингвистический подход для анализа взаимоотношений власти и общества. Концепция тесной связи языка и власти, так называемый «лингвистический поворот», составляла основу его методологии. Автор писал, что «сталинизм должен рассматриваться не просто как сочетание институтов, персоналий и идеологии, а как совокупность властных символов, отношений, языка и новых форм речи, новых форм поведения в обществе и частной жизни, даже нового стиля одежды, т. е. всего, что дает возможность понять новую цивилизацию, называемую социализмом»¹⁸.

В первой части книги «Строящийся социализм» С. Коткин описывал Магнитогорск как модель большевистских планов по преобразованию общества. Во второй части «Реальный социализм» анализировал реакцию строителей и жителей города на планы руководства, пути выполнения этих планов и сопротивления им. Хотя реальные результаты зачастую оказывались весьма далеки от намеченных, С. Коткин считал, что действия населения Магнитогорска в основном укладывались в рамки, предписываемые большевистской идеологией. В наиболее важной главе монографии «Язык большевиков» автор показывал процесс советизации различных общественных групп, участвовавших в строительстве города, их приспособление к «большевистскому языку». Полностью зависимые от государства жители Магнитогорска, как и всей страны, были вынуждены соблюдать навязанные сверху «правила игры» для улучшения или сохранения своего социального статуса. С. Коткин был убежден, что, за исключением небольшой группы искренних сторонников коммунистической партии, основная масса населения соблюдала «правила игры» из чисто прагматических соображений, приобретая навыки «двоемыслия» (по выражению Дж. Оруэлла), без которого невозможно было существовать в условиях сталинизма.

В исследованиях, опубликованных в последние годы, отразился и широкий спектр взглядов на будущее советологии в англо-американской академической среде. Следует обратить внимание на ряд коллективных работ 1990-х гг., таких как «После советологии: политические и исторические эссе», «Посткоммунистические исследования и политическая наука: методология и эмпирическая теория в советологии», «После советских исследований», «Переосмысливая советский крах: советология, смерть коммунизма и новая Россия»¹⁹. В сборнике «После советских исследований», например, для редактора Д. Орловски область изучения имеет прошлое и будущее, но с точки зрения одного из авторов М. Левина, «совершенно очевидно – СССР больше нет, следовательно, нет и советологии, речь может идти только о бывшей советологии»²⁰. А. Буравой, в целом разделяя такую точку зрения, высказывал мнение, что советология может сохранить за собой функции изучения прошлого. «Советология по определению имела дело с Советским Союзом... Его исчезновение означает, что советология может изучать только прошлое»²¹. Нам представляется, что такая позиция точнее всего отражает реальную ситуацию сегодняшнего дня и позволяет оставить

в прошлом споры о приоритете той или иной общественной науки в рамках советологии.

Исторические дисциплины во всем их многообразии составляют сегодня основу советологии. Интеграция с общественными и политическими науками в методологических вопросах необходима, междисциплинарные подходы, безусловно, могут обогатить проводимые исследования, но изучение комплекса советских проблем будет вестись в рамках исторической науки. Использование в последние годы целого ряда недоступных ранее источников позволяет говорить о реальных перспективах советологии как исторической дисциплины в англо-американском академическом сообществе.

¹ См.: Major Research Centers, Institutes and Programs in Soviet, Russian and East European Studies // Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950's to the 1990's. Westport, 1992. P. 318.

² См.: AAASS Website. <http://www.fas.harvard.edu/~aaass/>

³ См.: Canadian Association of Slavists. <http://www.utoronto.ca/slavic/cas/>

⁴ См.: BASEES. <http://www.gla.ac.uk/External/basees/index.html>

⁵ См.: <http://carousel.lis.uiuc.edu/%7Eebsees/search.htm>

⁶ См.: Sakwa R. Russian Studies: The Fractured Mirror // Politics. 1996. № 16. P. 175–176.

⁷ Н о у в А. Экономическая советология в Великобритании и Америке // <http://www.ise.spb.ru/science/Nove/sovology.html>

⁸ Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950's to the 1990's. Westport, 1992. P. 4.

⁹ См.: Malia M. From Under the Rubble, What? // Problems of Communism. 1992 January–April. Vol. 41. Is. 1–2. P. 89–106.

¹⁰ См.: Daniels R. Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia in Power // The Russian Review. 1994. № 7.

¹¹ См.: Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Armonk, 1993.

¹² Brumberg A. Sic Transit Post-Sovietology // The Nation. 1996. Jan. 29.

¹³ См.: Suny R. A Second Look at Sovietology and the National Question // AASS Newsletter. 1993. Vol. 33. Is. 3. P. 1–2.

¹⁴ См.: Gelb M. Karelian Fever: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. Is. 6. P. 1091–1016; Gelb M. An Early Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review. 1995. Vol. 54. Is. 7; Harris J. The Growth of the Gulag: Forced Labour in the Urals Region, 1929–31 // Ibid. 1997. Vol. 56. Is. 2. P. 265–280.

¹⁵ Rassweiler A. The Generation of Power: The History of Dneprostroy. New York, 1988; Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932. New York, 1990.

¹⁶ См.: Rees E. Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928–1941. New York, 1995.

¹⁷ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

¹⁸ См.: Ibid. P. 14.

¹⁹ См.: Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Armonk, 1993; Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology. Boulder, 1993; Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995; Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998.

²⁰ Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995. P. 56.

²¹ Ibid. P. 78.

Вячеслав Иванович Меньковский – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

